

УДК 338.24/639.2/.3

Экономические аспекты промысла и реализации северо-восточной арктической трески

А. М. Васильев¹, доктор экономических наук

Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, Апатиты

В. В. Комличенко²

Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича, Мурманск

Выполнен анализ промысла арктической трески. Показаны факторы роста цен на рыбопродукцию из трески на внутреннем рынке. Обоснованы предложения по регулированию внешнеэкономической деятельности рыбного хозяйства. Разработаны рекомендации по финансированию отраслевой биологической науки.

Ключевые слова: Западная Арктика, промысел, треска, цены, продовольственная безопасность, наука, финансирование.

«Концепцией развития рыбного хозяйства на период до 2020 года» и государственной программой Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса», принятой на период до 2020 г. в качестве стратегической цели, предусмотрен переход развития отрасли от экспортно-сырьевого типа к инновационному на основе рационального использования водных биологических ресурсов (ВБР), обеспечения продовольственной независимости страны путем наполнения рыбного рынка качественной и доступной по цене отечественной рыбопродукцией [4; 9]. Октябрьский (2015 г.) президиум Госсовета, посвященный рыбной отрасли страны, определил, что эта государственная задача, несмотря на значительное улучшение экономических показателей рыбного бизнеса в период с 2007 по 2015 гг., не выполнена [13]. России, являющейся одной из крупнейших рыбодобывающих стран, на международном рыбном рынке по-прежнему отводится роль сырьевого придатка, когда около 70% доходов рыбодобывающих предприятий основано на экспорте сырья, преобладающий объем которого (около 90%) направляется за рубеж в мороженом виде с низкой степенью переработки. Об этом свидетельствуют многочисленные экономические данные. Из общего объема вылова в 2015 г. было отправлено на экспорт 85% минтая и 82% трески. Стоимость

рыбопродукции, вырабатываемой из 1 т минтая на американских траулерах-процессорах в 2012 г., по данным журнала «Economic status of the groundfish fisheries off Alaska», составляла 1011—1329 долл., а на подобных российских траулерах — только 858,6 долл. [23]. В норвежском экспорте в 2014 г. стоимость рыбопродукции, вырабатываемой из 1 т трески, составляла 4486 долл., что на 34,5% выше аналогичных показателей российского экспорта [10]. Следовательно, ВБР в современной России используются менее рационально, чем у конкурентов на мировом рыбном рынке, что в значительной мере обусловлено расположением районов промысла на большом расстоянии от мест базирования флота и рыбоперерабатывающих предприятий, их моральным и техническим износом, отсутствием управления внешнеэкономической деятельностью и экономической политикой импортеров.

По мнению президента России, надежды на модернизацию основного капитала, которые в 2007 г. государство возлагало на рыбохозяйственный бизнес, обеспечивая ему весьма либеральные условия при использовании принадлежащих обществу ВБР, не оправдались [13]. Вектор развития отечественной рыбной промышленности в анализируемый период был направлен преимущественно на увеличение коммерческой эффективности рыбодобывающей отрасли.

В очередной раз перед руководством страны встали извечные русские вопросы: кто виноват в нерациональном с народнохозяйственной точки зрения

¹ e-mail: Vasiliev@pgi.ru.

² e-mail: lkp@pinro.ru.

Рис. 1. Главные факторы успешного функционирования рыболовства

использовании ВБР, слабом наполнении рынка России качественной и доступной по цене отечественной рыбопродукцией и что делать для кардинального изменения такого положения?

Состояние рыбодобывающей отрасли любого государства зависит от ряда существенных неопределенностей (факторов риска), главные из которых — ресурсная база, качество производственного аппарата, конъюнктура рыбного рынка, стоимость энергоносителей, а также характер взаимодействия государства (собственника национальных ресурсов) и рыбного бизнеса, получающего эти ресурсы в пользование. В классической биоэкономике гармонизация этих проблем реализуется при решении триединой задачи государственного управления отраслью (рис. 1).

По нашему мнению, современные проблемы рыбного хозяйства страны в значительной степени обусловлены ведомственной разобщенностью указанных задач. Наиболее типичным примером может служить современная ситуация с научными исследованиями в *государственных НИИ морского рыбного хозяйства*. Еще в советское время в них были ликвидированы экономические подразделения, что «с учетом отсутствия в настоящее время специализированного научно-исследовательского института экономического профиля... фактически лишило биоресурсную отрасль возможности участвовать в подготовке предложений по проблемам экономического и институционального характера» [19]. Взаимосвязанные ключевые цели управления рыбным хозяйством изучаются настолько разобщенно во времени, пространстве и методологии, что выполненный Росрыболовством в 2015 г. анализ экономических и институциональных проблем отрасли для проекта

решения президиума Госсовета вызвал в рыбацком сообществе массу справедливых нареканий. Отсюда активное и на первый взгляд противоречивое стремление «вольнлюбивого» рыбного бизнеса восстановить единый отраслевой регулятор — федеральное министерство рыбного хозяйства, властью и возможностями которого биологические, экономические и институциональные проблемы отрасли можно будет гармонизировать.

Рассматривая эту триединую задачу через призму целей, поставленных президентом России перед отраслью на президиуме Госсовета в 2007 г., следует отметить, что применительно к ресурсному потенциалу трескового промысла в Баренцевом море и сопредельных водах анализируемый период для рыбодобывающей отрасли страны и Мурманской области складывался весьма благоприятно. Так, с 2007 по 2014 гг. отечественная ресурсная база трески (включая отечественную и региональную квоты на промышленный и прибрежный лов) выросла почти в 2,5 раза (рис. 2 и 3). Даже «прибрежная» квота трески усилиями Росрыболовства была существенно увеличена (с 9,1 до 15,5 тыс. т) за счет научной квоты [21].

Благодаря природным факторам, совершенствованию добывающей техники и тактики лова, увеличению объемов отечественных и региональных квот промысел трески сопровождался значительным ростом эффективности. Среднегодовая производительность тралового лова (около 90% общего объема добычи трески) основными типами отечественных траулеров СРТМ, ПСТ и СТМ возросла соответственно в 2,1, 2,2 и 2,9 раза (рис. 4). Еще более впечатляющие показатели уловов на единицу промыслового усилия показали так называемые модернизированные иномарки, доля которых в суммарном

вылове национальной квоты превысила 50%. В значительной степени этот рост обусловил увеличение вылова на одного рыбака в морском промышленном рыболовстве. Так, у рыбодобывающих предприятий, зарегистрированных в Мурманской области, с 2009 по 2013 гг. вылов на одного рыбака увеличился с 84,6 до 120,5 т (на 42,4%) [3].

Не менее благоприятно складывались экономические условия обеспечения работы рыбодобывающего флота. Стоимость судового дизельного топлива, доля которого в общих затратах на промысел достигает 40—45%, при заправках в иностранных портах, близких к районам промысла основных донных видов рыб, включая треску, снизилась с 1007 долл. за тонну в 2008 г. до 791 долл. в 2014 г. (рис. 5). В среднем уменьшение цены на нефть привело к рекордному снижению стоимости дизельного топлива в Европе. В Германии, например, стоимость дизельного топлива достигла самых низких показателей за последние десять лет. При заправке в Мурманске стоимость судового дизельного топлива колебалась от 24 100 руб. в 2008 г. до 27 300 руб. в 2014 г.

Конъюнктура цен на треску в первом звене продаж на мировых рыбных рынках была также весьма благоприятной. Стоимость 1 т трески потрошенной без головы (б/г) изменялась от 3,1 до 3,5 тыс. долл. на условиях C&F [5].

Совокупность перечисленных экономических факторов обеспечила в морском промышленном рыболовстве существенный рост прибыли с одной тонны вылова. Так, для рыбодобывающих предприятий, зарегистрированных в Мурманской области, этот важный показатель вырос более чем вдвое (с 4880,5 руб. в 2007 г. до 10 682 руб. в 2014 г.) [15; 16].

Роль, которую сыграло государство (как представитель собственника национальных ресурсов) по отношению к российскому рыбодобывающему бизнесу, получавшему эти ресурсы

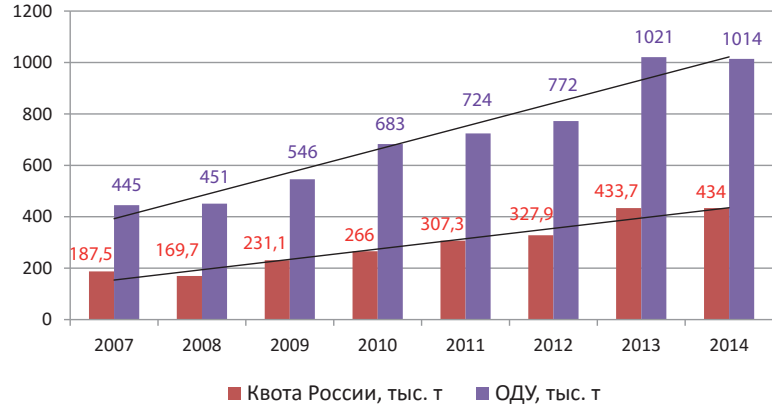

Рис. 2. Динамика общего допустимого улова (ОДУ) и российской квоты трески в 2007—2014 гг. (данные 36—43-й сессий Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству – СРНК)

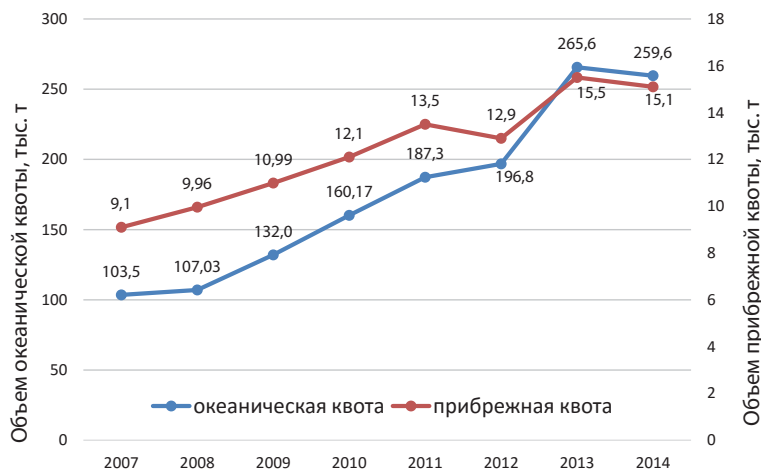

Рис. 3. Динамика величины «океанической» и «прибрежной» квот трески в 2007—2014 гг. рыбодобывающих предприятий, зарегистрированных в Мурманской области (данные отраслевой системы мониторинга Росрыболовства)

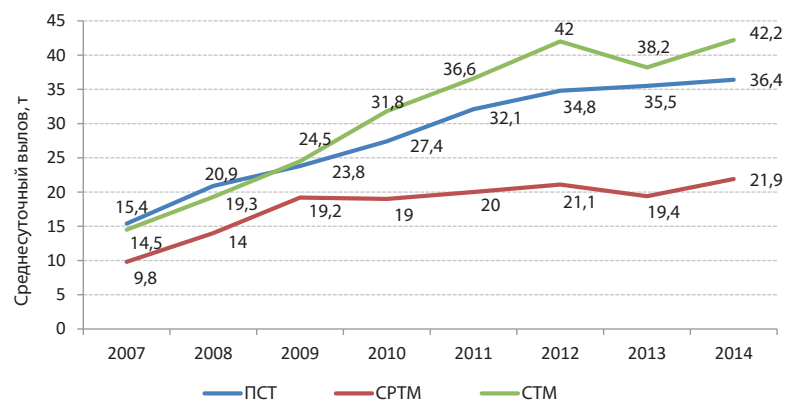

Рис. 4. Динамика суточной производительности лова трески основными отечественными типами траулеров в 2007—2014 гг. (данные Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н. М. Книповича – ПИНРО)

в пользование в 2007—2014 гг., также можно оценить весьма положительно. В анализируемый период были созданы достаточно благоприятные условия для такого высокодоходного вида бизнеса, как

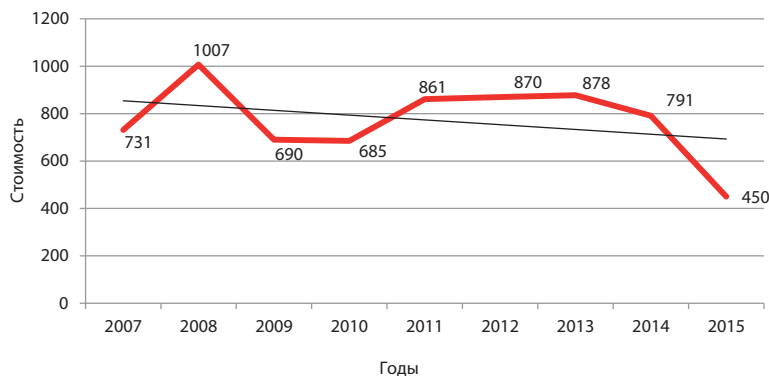

Рис. 5. Динамика стоимости судового дизельного топлива в основных районах промысла трески в 2007–2014 гг., долл. (собственные неопубликованные исследования)

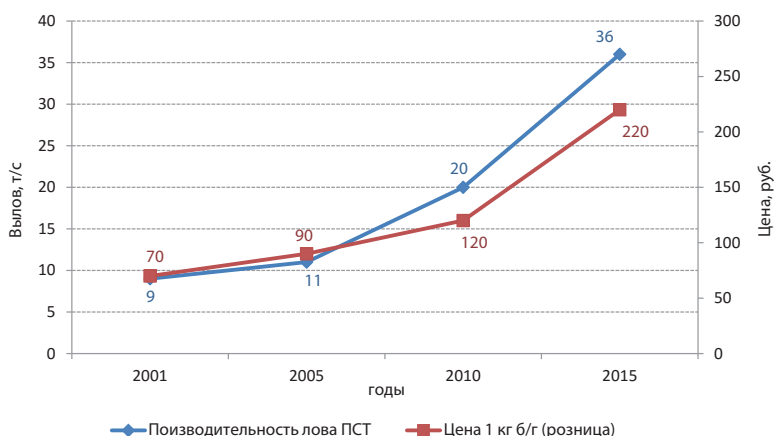

Рис. 6. Динамика розничных цен на треску в торговых сетях Мурманска в 2001–2015 гг. и среднегодовая суточная производительность посолено-свежевого траулера типа «Баренцево море» (наблюдения и расчеты авторов)

добыча трески. Рыбодобывающие предприятия получали от государства в пользование общественные ресурсы своевременно и с учетом исторического принципа, который по единодушному мнению, высказанному рыбаками в 2007 г., «гарантирует, что всем будет очень хорошо» [13]. Особо отметим, что выделение частным рыбодобывающим предприятиям в пользование государственных (общественных) ресурсов проходило гарантированно в нарастающих объемах, а главное — на весьма льготных условиях. Например, налоговая нагрузка в рыбодобывающей отрасли, которая в 2007 г. составляла 26,2% отраслевой выручки, снизилась в 2014 г. до 10,5%. Применение только одной государственной налоговой льготы по уплате сбора за пользование ВБР привело к снижению налоговой нагрузки на рыбодобывающие фирмы более чем на 11 млрд руб. в год, что сопоставимо с объемом ежегодных платежей предприятий по виду экономической деятельности «Рыболовство, рыбоводство» [2] (согласно нашим расчетам налоговая нагрузка в эти годы в рыболовстве Северного бассейна без учета единого социального налога и страховых взносов составляла 4–6%).

По данным Всероссийской ассоциации рыбохозяйственных предприятий, предпринимателей и экспортеров, сальдированный финансовый результат рыбной отрасли в 2014 г. составил 11 млрд руб. Второй системной налоговой льготой явилось применение налогового режима «Единый сельскохозяйственный налог», под действие которого в 2014 г.

попало 23,2% отраслевой выручки (в 2009 г. — только 3,2%). Это привело к существенному снижению налогов на прибыль и на имущество рыбодобывающего бизнеса [11].

Приведенные данные показывают, что основные биологические и экономические условия, определяющие состояние отечественной рыбодобывающей отрасли, в анализируемый период складывались достаточно благоприятно. Тем не менее ожидаемого улучшения роли рыбного хозяйства в обеспечении продовольственной независимости России путем наполнения рыбного рынка качественной и доступной по цене отечественной тресковой рыбопродукцией не произошло. Вслед за снижением курса рубля цены продаж с первых рук (цены производителей) и розничные цены стали стремительно увеличиваться. Так, стоимость 1 кг охлажденной трески оптом в конце 2014 г. достигла 147 руб., что на 43–75% выше ее уровня в начале года. В последующий период она продолжала расти, достигнув максимума в 198 руб. в феврале 2015 г. (в 2,36 раза выше уровня цен конца 2014 г.). Следовательно, доступность рыбы для населения, обеспечивающая продовольственную безопасность страны, существенно снизилась.

Расчеты показывают, что рост национальной квоты трески, производительности лова и операционной прибыли на фоне устойчивого снижения цен на топливо сопровождался в 2007–2014 гг. в «рыбной столице Заполярья» практически аналогичным по величине ростом розничных цен на треску (рис. 6). При этом до второй половины 2014 г. доля производителей в цене составляла около 40% [11], а доля посредников и торговых сетей — соответственно около 60%.

Следовательно, главным фактором, влияющим на снижение уровня продовольственной независимости нашего региона относительно такого ценного вида, как треска, в анализируемый

Таблица 1. Внешнеторговая деятельность рыбного хозяйства Мурманской области [10]

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Произведено рыбопродукции, тыс. т	516,6	554,3	496,2	459,4	564,1	541,7
Вывоз рыбопродукции за пределы России, тыс. т	212,1	273,4	247,3	209,0	304,3	326,4
Доля вывезенной рыбопродукции в общем объеме производства, %	41,1	49,3	49,8	45,5	53,9	60,3
Стоимость вывезенной рыбопродукции, тыс. долл.	340 388,9	567 968,3	692 864,5	547 700,2	627 657,4	888 863,8
Стоимость 1 т вывезенной рыбопродукции, долл.	1604,8	2077,4	2801,7	2620,6	2062,6	2723,2
Импорт рыбопродукции, тыс. т	31,6	26,5	15,2	21,3	18,9	5,6
Стоимость импортированной рыбопродукции, тыс. долл.	28 528,6	35 338,3	30 139,7	31 706,3	43 404,5	20 143,0
Стоимость 1 т импортированной рыбопродукции, долл.	901,4	1 333,0	1 982,9	1 490,1	2 297,6	3 597,0
Коэффициент выхода рыбопродукции	84,8	84,1	80,1	79,7	81,0	80,7

Таблица 2. Доля уловов трески и пикши, выловленных рыбодобывающими предприятиями, зарегистрированными в Мурманской области, и направленных на экспорт, % [10]

Вид рыб	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Треска	82,4	72,4	80,9	66,1	72,8	91,2
Пикша	55,4	50,9	54,9	47,6	47,0	96,8
Всего экспорт трески и пикши	66,2	60,9	71,7	60,2	66,8	93,1

период были не биологические или экономические, а институциональные факторы или, попросту говоря, характер взаимоотношений государства, рыбного бизнеса и торговли. Вероятно, именно отсутствие баланса между интересами государства, рыбного бизнеса и торговли, а также недостатки в институциональной сфере способствовали тому, что на определенном этапе пути трески от судна до прилавка магазина стоимость рыбы приобрела самостоятельную жизнь и стала существовать без учета реальных биологических, экономических и институциональных факторов. Возможно, это была реакция на появившиеся в научной литературе рекомендации о необходимости ограничения роста цен на пути от производителя до прилавка.

Таким образом, вместо наполнения рынка качественной и доступной по цене рыбной продукцией произошло изменение вектора развития рыболовной политики — наибольший приоритет стал отдаваться доходам частных компаний от добычи. Для достижения цели был избран путь чрезмерной экспортной ориентации трескового промысла, что в данной ситуации не совпадало с интересами общества и государства.

В результате вывоз рыбопродукции за рубеж рыбодобывающими предприятиями Мурманской области в 2009—2014 гг. не только не снизился, но и сохранил устойчивую тенденцию к увеличению (табл. 1). В 2014 г. объем рыбопродукции, направленной на экспорт из уловов рыбодобывающих предприятий, зарегистрированных в Мурманской области, составил 326,4 тыс. т, что выше уровня 2009 г. на 114,3 тыс. т (рост по объемам на 53,9%). Общая стоимость экспортированной рыбопродукции увеличилась на 548,4 млн долл., в том числе за счет роста объемов на 183,4 млн долл. и вследствие увеличения цены на 365,1 млн долл.

На производство рыбопродукции, отправленной в 2014 г. за рубеж, использовано 497,5 тыс. т рыбы-сырца различных видов, что составляет 74,1% общего вылова по квоте рыбодобывающих предприятий, зарегистрированных в Мурманской области. По сравнению с 2009 г. доля улова, использованная для экспорта, увеличилась на 24,9% [10].

Таблица 3. Ассортимент и стоимость экспортной продукции, произведенной из трески в 2009—2014 гг. [10]

Вид продукции	Объем, тыс. т	Стоимость, млн долл.	Цена 1 кг, долл.
<i>Россия (Мурманская область)</i>			
Охлажденная	0,3	0,5	1,7
Мороженая	333,55	824,8	2,47
Филе мороженое	62,5	303,1	4,85
Сушеная	4,46	24,77	5,55
Соленая	3,3	13,09	3,97
Всего	404,11	1167,8	2,89
Общий объем экспорта	1155,3	2401,5	2,08
<i>Норвегия</i>			
Охлажденная	126,8	466,9	3,68
Мороженая	242,0	696,9	2,88
Филе охлажденное	22,55	236,9	10,5
Филе мороженое	79,87	517,4	6,48
Филе соленое	1,55	11,0	7,10
Сушеная	21,10	410,5	19,00
Соленая	131,2	692,9	5,28
Клипфикс	207,8	1613,2	7,76
Сушеные головы	4,5	15,9	3,53
Фарш	2,43	6,7	2,76
Всего	839,8	4658,3	5,55
Общий объем экспорта	11 828,8	43 802,0	3,70

Важно отметить, что по треске и пикше доля улова, добытого по квоте зарегистрированных в области рыбодобывающих предприятий и направленного в 2014 г. на экспорт, составила 93,1% (табл. 2). Этот рукотворный дефицит, очевидно, и обусловил значительный рост цен на тресковую продукцию. При этом даже существенное увеличение «прибрежной» квоты, которая по определению должна направляться на береговую переработку, в условиях ярко выраженной экспортной направленности трескового промысла не смогло компенсировать экспортный азарт рыбодобытчиков.

В определенной степени этому способствовали поправки к федеральному законодательству, принятые под влиянием «лобби» в 2013 г., когда появилась возможность морозить в море треску, добытую по «прибрежной» квоте.

Недостаточные поставки трески на местный (мурманский) рынок, а также продажа ее по ценам, близким к экспортным, обусловили в феврале 2015 г. ценовой рекорд, при котором цена производителей «охлажденки» достигла 198 руб./кг, а в розничной продаже в Мурманске — 244 руб. за килограмм. Как отметил В. Ляпунов, директор

представительства Рыбного союза в Мурманской области, в результате розничная «торговля уперлась в ценовой потолок, когда покупателям становится выгоднее приобрести вместо рыбы курицу — она существенно дешевле». Однако цены на треску в Мурманске обогнали не только цены на курятину, но и на свинину и даже на говядину (в Норвегии последняя дороже трески в два-три раза) [18].

Основным видом продукции из трески, поставляемой мурманскими предприятиями на экспорт, является потрошенная без головы. Цена на нее в среднем за анализируемый период на 14,2% ниже, чем у норвежцев (табл. 3).

Сравнительная стоимость одинаковых видов продукции из трески, изготовленных на российских и норвежских судах и рыбоперерабатывающих предприятиях, позволяет оценить в денежном выражении цену избранных схем добычи и переработки уловов на Северном бассейне России и в Норвегии, а также уровень внешнеэкономической деятельности. Так, по данным табл. 3, усредненная цена 1 кг мороженой трески (потрошенной б/г) в норвежском экспорте равна 2,90 долл., а в российском — только 2,47 долл., что на 0,43 долл. (17,4%) дешевле. По филе трески мороженому различие в цене 1 кг составило 1,36 долл. (26,8%) в пользу Норвегии. По этим двум позициям рыбаки Мурманской области за пять анализируемых лет потеряли в виде недополученной выручки 330 млн долл. Значительно большую сумму доходов они недополучили вследствие различий в ассортименте экспортируемой продукции.

Общие (Россия-Норвегия) меры по управлению запасами трески позволяют этим странам добывать в Баренцевом море и сопредельных водах примерно равные объемы донных видов рыб (кроме сайды). Это обстоятельство позволяет достаточно корректно сопоставлять сравнительную биологическую и экономическую

эффективность использования уловов указанных видов включая треску, являющуюся самым ценным видом, добываемым в наибольших по сравнению с другими видами объемах [22]. В этой связи наибольший практический интерес представляет доступность отечественной тресковой продукции для потребления населением нашего региона (продовольственная безопасность). Естественно, что указанная доступность в значительной степени определяется величиной дохода потребителей, и у различных государств и групп населения они разные.

Расчеты показывают, что в Мурманской области на располагаемый среднедушевой доход в 2013 г., равный 28,7 тыс. руб. [14; 20] в месяц, можно было приобрести 264 кг трески потрошенной б/г, а в Норвегии согласно располагаемому среднедушевому доходу, составившему в 2013 г. 3642 долл. [12], — 383 кг, что на 45,0% больше. По условиям 2015 г., когда цена на треску поднялись в Мурманске до 226 руб./кг, а в Норвегии осталась примерно на том же уровне, возможное приобретение ее жителями Мурманской области снизилось до 154 кг, что примерно в 2,5 раза меньше, чем в аналогичный период в Норвегии.

Негативные последствия дефицита трески на внутреннем рынке существенно усугубляются особенностями отечественной торговли рыбопродукцией. По данным Федеральной антимонопольной службы, в структуре розничных цен на баренцевоморские рыбные ресурсы безусловными российскими «лидерами» в гонке розничных цен в 2009—2010 гг. были мойва и треска — два вида, неразрывно связанные в морской экологической системе отношениями «хищник-жертва» (рис. 7).

Доля производителя (рыбака) в конечной цене мойвы составляла не более 10—20%. Остальные 80—90% — это наценки посредников (около 65%) и торговой сети (около 25%). У трески «заслуга» берега несколько скромнее, но и здесь доля рыбаков не превышает 40—50%. В результате в рыбной промышленности России создалась совершенно уникальная, неповторимая в мировой практике ситуация, когда производитель (рыбак) получает меньшую (от 10% до 45%) часть доходов от добытой рыбы, чем посредники и торговое звено, которые в преобладающем большинстве случаев даже не производят дополнительной переработки рыбы (см. рис. 7). Однако в 2014 г. положение изменилось — доля производителей (рыбаков) в розничной цене трески мороженой достигла 86%.

Вероятно, отечественные посредники и российская розничная торговля, пользуясь несовершенством

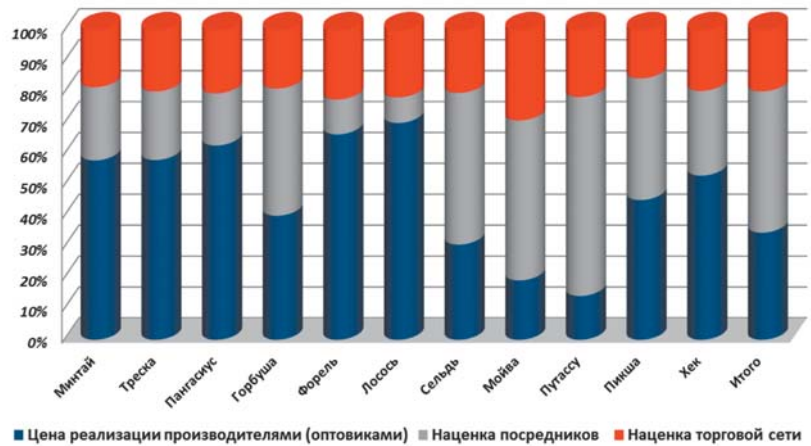

Рис. 7. Структура розничной цены по основным видам рыб в торговых сетях Центрального федерального округа [7]

отечественной нормативно-правовой базы, регламентирующей торговлю, устанавливающих фактические цены на рыбную продукцию, включая тресковую, по пределу покупательной способности населения страны.

Таким образом, обеспечение главной задачи рыбодобывающей промышленности по снабжению населения качественной тресковой продукцией по доступным ценам в анализируемый период было существенно затруднено как минимум тремя факторами: резко выраженной экспортной направленностью продукции, а также наценками посредников и торговых сетей.

Определив главные причины, препятствующие насыщению российского рынка качественной тресковой продукцией по доступным ценам, справедливости ради отметим, что рыбодобытчики, посредники и розничная торговля не нарушили ни одного закона, регламентирующего путь рыбы от судна до прилавка. Возможно, государство как собственник рыбных ресурсов, поставив перед рыбопромышленниками определенные задачи, не определило правила их достижения в надежде, что «невидимая рука рынка расставит все по своим местам». Однако с учетом результатов анализируемого периода оно в 2015 г. вынуждено было вмешаться и поправить «невидимую руку рынка», предложив рыбодобывающему бизнесу принять определенные обязательства по отношению к судьбе государственных ВБР не только до их вылова, как раньше, но и после. На начальном этапе очередного совершенствования законодательной базы как основы государственного регулирования рыбохозяйственной отрасли планируется увеличить налоги и сборы, стимулировать дополнительными квотами биоресурсов развитие прибрежного рыболовства, береговой рыбопереработки и обновление основного капитала в целях повышения эффективности промысла.

Совершенно очевидно, что судьба рыбного хозяйства как ресурсной отрасли зависит в первую

очередь от состояния сырьевой базы промысла. Ответственность за эффективное и рациональное управление запасами промысловых видов ВБР возложено на отраслевую рыбохозяйственную науку Росрыболовства. К сожалению, в настоящее время ее возможности своевременно и качественно обеспечивать управление запасами существенно затруднены. Основная проблема — хроническое недофинансирование морских ресурсных исследований. В результате главный показатель интенсивности ресурсных исследований и государственного мониторинга ВБР Мирового океана — количество суток морских судовых исследований — уменьшился на Северном бассейне с 2008 по 2015 гг. более чем в восемь раз (с 4230 до 519 судов-сут). В 2016 г. в связи с очередным сокращением финансирования госпрограммы «Развитие рыбохозяйственного комплекса» еще на 12% возможно уменьшение указанного показателя до 315 судов-сут (в 13,5 раза по сравнению с 2008 г.). В соответствии с предполагаемыми объемами финансирования на 2016 г. впервые с 1948 г. не планируется главная тралово-акустическая съемка по оценке запасов и учету моллюды 15 основных донных видов рыб (включая треску и пикшу) Баренцева моря и сопредельных вод. Примечательно, что в 2013 г. расходы нашего научного конкурента и партнера по СРНК Бергенского института морских исследований (БИМИ, норвежского аналога ПИНРО) на морские научные исследования составили 3,6 млрд крон, или около 27 млрд руб. по курсу Центрального банка России в 2013 г. [7]. В настоящее время рублевый эквивалент расходов БИМИ на морские ресурсные исследования почти десятикратно превосходит суммарные аналогичные расходы всех 14 центральных и бассейновых НИИ Росрыболовства. При этом обращает на себя внимание непоследовательность государства по совершенствованию системы финансирования морских ресурсных исследований. В 2008 г. финансирование отраслевой государственной науки на Северном бассейне было на уровне 1250 млн руб. (48,5 млн долл.) включая более 800 млн руб. (28,8 млн долл.) на морские экспедиционные исследования. При этом доля бюджетных средств в общих расходах бассейнового НИИ не превышала 10% (остальное — доходы от рыбных квот, которые в настоящее время необходимо уничтожить или «возвращать» в море). В 2014 г. доля бюджетных средств в расходах института увеличилась более чем в девять раз (с 10% до 96%), а прямые затраты на морские экспедиционные исследования уменьшились более чем втрое (а с учетом волатильности рубля по отношению к основным валютам — в пять раз). Единственная причина сложившейся ситуации — требование ст. 21 федерального закона «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [21] об уничтожении нескольких десятков тысяч тонн высоколиквидных ВБР (трески, пикши, палтуса, минтая, крабов, креветки, лосося и т. п.) после выполнения

исследований с использованием отечественных научных квот!

В Норвегии, кстати, совсем недавно (в 2014 г.) было принято решение о возврате рыбакам преобладающей части научных квот. В то же время для финансирования рыбохозяйственных исследований и мониторинга был введен сбор, величина которого примерно равна выпадающим доходам БИМИ, полученным от промысла с использованием научных квот. Аналогичный маневр по передаче «недоиспользуемых» научных квот осуществляется и на Северном бассейне, однако на совершенно безвозмездной по отношению к рыбохозяйственной науке основе и «без реального положительного сдвига в части увеличения поставок рыбы на отечественный берег» [17]. При этом важно отметить, что, получив в 2015 г. дополнительно около 6 тыс. т «научной» трески, рыбаки Северного рыбопромыслового бассейна по официальным данным отраслевой системы мониторинга Росрыболовства недоловили около 11 тыс. т «своей».

Абсурдность ситуации с финансированием морских экспедиционных исследований очевидна всем, в том числе и федеральным законодателям, которые в 2009 г., будучи, вероятно, в состоянии эйфории от запредельных цен на нефть, приняли пресловутые поправки об уничтожении или «возвращении» в море рыбы, выловленной при выполнении ресурсных исследований. Выход из этой тупикивой ситуации, по мнению председателя комитета Госдумы по природным ресурсам, природопользованию и экологии В. Кашина, лежит на поверхности — если в настоящее время у государства нет денег для финансового обеспечения ресурсных исследований, «давайте дадим возможность прозрачно зарабатывать науке на тех научных квотах, которые им выделены!» [6].

Для повышения экономической эффективности рыбной отрасли России необходимо перейти на современную систему рыболовства с использованием при выборе национальных квот самых современных технологий вылова и обработки уловов, которые гарантируют не только увеличение валовых показателей, но и наибольший рост добавленной стоимости из сырья, поднятого на борт. Намечаемое обновление рыбопромыслового флота — не самоцель, а средство наиболее бережного, рационального и эффективного получения продукции с каждой тонны добытых ресурсов. Одним из неперемных условий модернизации рыбодобывающего флота «должно быть введение современной системы прямого учета вылова... взамен устаревшей еще послевоенной системы учета по выпуску готовой продукции» [1]. Так, еще в первом десятилетии текущего века в США на промысле минтая отказались от учета вылова по выходу продукции ввиду совершенно очевидного отсутствия стимула к рациональному и экономически более эффективному расходу уловов и перешли на прямой учет вылова. Этот маневр позволил увеличить стоимость продукции из того же самого ОДУ

минтая в 1,6 раза (!), о чем с гордостью доложил Конгрессу США руководитель Американской ассоциации добытчиков минтая [8]. При этом переход на прямой учет уловов практически ликвидировал выбросы, которые наблюдались в отдельные периоды промысла при добыче трески и пикши на Северном бассейне.

Поручениями президента России В. Путина по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации от 19 октября 2015 г. в п. 2 определены основные направления развития рыбного хозяйства страны. Правительство совместно с органами исполнительной власти субъектов Федерации должно представить предложения «по формированию единой системы управления и координации деятельности государственных органов и организаций, осуществляющих в том числе добычу (вылов) водных биологических ресурсов, производство, хранение, транспортировку и реализацию рыбной продукции» [13]. Одним из таких предложений, по нашему мнению, является создание органа по регулированию поставок рыбной продукции на внутренний и внешний рынки. Финансирование его возможно обеспечить за счет дифференцированных отчислений от стоимости продукции, поставляемой на экспорт, как это делается в Норвегии.

Литература

1. Братухин О. Непонимание причин обновления флота — тормоз нового облика отрасли // <http://fishnews.ru/interviews/358>.
2. В РСПП измерили налоговую нагрузку в рыбной отрасли // <http://deita.ru/news/deyta-fish/04.12.2015/5026191-v-rspp-izmerili-nalogovuyu-nagruzku-v-rybnoy-otrasli/>.
3. Васильев А. М. Анализ функционирования рыбной отрасли Мурманской области в условиях институциональных нововведений // Рыб. хозяйство. — 2016. — № 2. — С. 36—44.
4. Государственная программа Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса» // <http://www.mcx.ru/documents/document/show/24302.htm>.
5. Данные о ценах на морепродукцию на мировых оптовых рынках // <http://www.fishnet.ru/news/rynok/55150.html>.
6. Депутаты просят не сажать науку на голодный паек // <http://fishnews.ru/news/27399>.
7. Исследование ценообразования на рыбу // <http://fas.gov.ru/documents/documentdetails.html?id=1458>.
8. Калмыков Б. А. Промысел минтая в США // http://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/21305.html.
9. Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года. — Одобрена распоряжением Правительства РФ от 2 сентября 2003 г. № 1295-Р.
10. Научные и прикладные основы государственной политики функционирования ресурсно-сырьевой экономики на шельфе и в прибрежной зоне российской Арктики в условиях глобализации: Отчет о НИР (промежут.): 3-13-4002 / Ин-т экон. проблем Кольского науч. центра Рос. акад. наук; Науч. рук. А. М. Васильев; Отв. исполн.: А. М. Васильев, Ю. Ф. Куранов, А. М. Фадеев и др. — Апатиты, 2015. — 120 с.
11. О развитии рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации / Рабочая группа президиума Гос. совета // http://vniro.ru/files/Gossoviet_doklad.pdf.
12. Обзор экономики Норвегии за 2013 год // <http://www.rusnorge.com/?p=3357>.
13. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации 19 октября 2015 г. // <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/50665>.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. — М., 2015. — 126 с.
15. Рыбная промышленность в Мурманской области / Госкомстат РФ. Мурманский облкомстат. — Мурманск, 2006. — 30 с.
16. Рыбохозяйственный комплекс Мурманской области / Мурманскстат. — Мурманск, 2015 — 42 с.
17. Савчук П. Росрыболовство не видит отдачи от переданных прибрежному рыболовству научных квот // <http://www.b-port.com/news/item/174402.html#ixzz43j7XYZhx>.
18. Соколов А. Треска почти стала дефицитом в мурманских магазинах // <http://www.murmansk.kp.ru/daily/26339.7/3221540/>.
19. Соколов В. Рыбохозяйственные вузы ждет дальнейшее укрупнение // <http://fish.gov.ru/press-tsentr/novosti/11023-vasilij-sokolov-rybokhozyajstvennyevuzy-zhdet-dalnejsee-ukrupnenie>.
20. Справочник. Мурманская область / Федер. служба гос. статистики. Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Мурман. обл. — Мурманск, 2015. — 24 с.
21. Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ.
22. Jørgensen A.-K., Hønneland G. Felles hav, felles utfordringer: En sammenligning av rammevilkårene for fiskerivirksomheten i Norge og Russland [Common Sea, Common Challenges: A Comparison of Framework Conditions for the Fishery Sector in Norway and Russia]: FNI Report 7/2015. — Lysaker, FNI, 2015. — 82 p.
23. Stock assessment and fishery evaluation report for the groundfish fisheries of the gulf of Alaska and Bering sea/aleutian islands area: economic status of the groundfish fisheries off Alaska // <http://www.afsc.noaa.gov/REFM/Docs/2013/economic.pdf>.